

СРЕДНИЕ ВЕКА

Т
Е
К
С
Т
Ы

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ

ПОЛИТИКА

Предисловие

А.П. Богданова

УДК 94(47)..."/XVII"
ББК 63.3(2)4
К 82

Крижанич Ю.

К 82 Политика / Юрий Крижанич; предисл. А.П. Богданова, пер. и коммент. А.Л. Гольдберга. — М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. — 438 с. — (Эпохи. Средние века. Тексты).

ISBN 978-5-98426-224-8

Академическое издание главного труда Юрия Крижанича, выдающегося католического мыслителя и проповедника славянского единства XVII в., сочетает достоинства предшествующих публикаций, бережно использованных при передаче и комментировании текста, с более глубоким исследованием системы смыслов его трактата «Политика» и всей системы сочинений, нередко ускользающих от ученых и широкого круга читателей. Впервые мы получили возможность объективно, без идеологических шаблонов, взглянуть на формирование панславянской концепции Крижанича, поместившего в центр славянского культурного и политического мира Россию, и на отношение к нему правительства царя Алексея Михайловича, с одной стороны, отправившего миссионера папской Конгрегации пропаганды веры в Тобольск, с другой — обеспечившего его интеллектуальный труд богатым денежным жалованием. Взгляд на роль и задачи Российского царства со стороны, какой предложил Крижанич, оказывается полезным для нас, когда мы стараемся понять систему русских политических взглядов и культурных ориентиров Нового времени. А главное — нам близко сочетание возвышенных идей с субъективной и резкой критикой действительности, которое предлагает «Политика».

Издание адресовано студентам и преподавателям исторических специальностей, политологам и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)..."/XVII"
ББК 63.3(2)4

© Богданов А.П., предисл., 2023
© Гольдберг А.Л., пер. и коммент., 1965
© Издательская группа «Альма Матер»,
оригинал-макет, оформление, 2023
© «Гаудеамус», 2023

ISBN 978-5-98426-224-8

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ В ЖИЗНИ И КУЛЬТУРЕ

С большинством выдающихся людей героического XVII в. вряд ли захотели бы познакомиться лично, если бы попали в их время. А от наиболее ярких из них, вроде Никона и Аввакума, нормальному человеку наверняка захотелось бы бежать. Иное дело — читать их яркие произведения и наслаждаться причудливым ходом мыслей, будящим наши размышления. Автор, представленный в этой книге своим главным сочинением, именно таков. Его восприятие исследователями отражает их позиции и рассуждения больше, чем реальную мысль автора. Так будет и с читателем, этого не изменить. Однако перед чтением «Политики» не мешает познакомиться с основными заблуждениями, связанными с идеализацией героя в литературе, и реальной историей его жизни и творчества.

ЧЕЛОВЕК-ИДЕЯ

Хорватский ученый мыслитель века научной революции (1618–1683), проживший много лет в России и здесь написавший лучшие свои сочинения (1659–1678), был открыт во второй половине XIX в. и сразу полюбился русским ученым и читателям. Его русские труды с огромным интересом читают и доселе потому, что каждый находит в море высказанных им идей что-то себе по душе.

Правда, именно любезность мыслей Крижанича всем умам и сердцам сразу должна была насторожить просвещенного русского, следовательно, критичного читателя. Если мы сами чаще всего не согласны друг с другом, то система идей человека XVII в. не может радостно восприниматься западниками и славянофилами, охранителями и прогрессистами вплоть до конституционалистов, историками царского и советского времени.

И действительно, при анализе идей Крижанича в контексте его сочинений и исторических реалий они скорее должны были бы человека оттолкнуть, нежели привлечь. Оттолкнуть читателя мог бы сам факт, что сочинения, читаемые нами с большим удовольствием, написаны прекрасно образованным, специально подготовленным и опытным профессионалом папской пропаганды среди славян, задачей коего было склонить их к унии, т. е. подчинению римскому престолу.

В самом деле: Крижанич яростно обличает немцев, покоривших западных и южных славян реально даже там, где они еще не установили свою политическую власть (например, в Речи Посполитой). Он ругательски ругает православных греков, покорившихся туркам и продающих веру, и самих славян, не исключая русских, но не говорит ни одного плохого слова о романских католиках. Подозрительно? Очень!

Но мало ли, какие у его идей истоки, говорят нам историки и верят читатели, ведь прибыв в Святую Русь, профессиональный папский пропагандист непременно должен был духовно обновиться и критиковать нашу веру, государство, язык и нравы от чистого сердца, искренне желая во всем похвальных перемен. Ведь он же проповедует великую миссию России и русского народа, какие еще нужны доказательства его душевной чистоты и праведности его гнева против наших недостатков?

Откроем хотя бы «Грамматическое сказание о русском языке» (1661–1666)¹, где Крижанич в высшей мере красноречиво проповедует, что Русь есть исток всего славянства, а русский язык есть истинно славянский, коренной по сравнению с иными, испорченными славянскими языками. Великий русский историк Николай Иванович Костомаров перевел ударные тезисы этого труда столь ярко и литературно, что не буду пытаться дать свой научный перевод, ограничившись косметической правкой:

– Всем славянским народам глава — народ русский и русское имя потому, что все славяне вышли из Русской земли, основали три государства и прозвались: болгары, сербы и хорваты; другие из той же Русской земли двинулись на запад и основали государства Ляшское и Моравское, или Чешское. Те, которые воевали с греками или римлянами, назывались словинцы, и потому это имя у греков стало известнее, чем имя русское, а от греков и наши летописцы вообразили, будто нашему народу начало идет от словинцев, будто и русские, и ляхи, и чехи произошли от них.

– Это неправда, русский народ испокон века живет на своей родине, а остальные, вышедшие из Руси, появились, как гости, в странах, где до сих пор пребывают. Поэтому, когда мы хотим называть себя общим именем, то не должны называть себя новым славянским, а стародавним и коренным русским именем.

– Не русская отрасль плод словенской, а словенская, чешская, ляшская отрасль — отростки русского языка. В особенности тот язык, которым пишем книги, не может поистине называться сла-

¹ Текст: Граматично исказанје об Руском језику попа Јурка Крижаница. М.: В Университетској Типографији, 1859.

венским, но должен называться русским или древним книжным языком. Этот книжный язык более подобен нынешнему общенародному русскому языку, чем какому-нибудь другому славянскому.

– У болгаров нечего заимствовать, потому что там язык до того потерян, что едва остаются от него следы. У поляков половина слов заимствована из чужих языков. Чешский язык чище ляшского, но также немало испорчен. Сербы и хорваты способны говорить на своем языке только о домашних делах, и кто-то написал, что они говорят на всех языках и никак не говорят. Одно речение у них русское, другое венгерское, третье немецкое, четвертое турецкое, пятое греческое или валашское, или албанское; только между горами, где нет проезда для торговцев и инородных людей, уцелела чистота первобытного языка, как я помню из моего детства»¹.

Суждения эти настолько льстят русскому самолюбию, что побуждают забыть простой факт: они неверны. Зато Крижанич убеждает нас в искренности своего почтения к русскому народу и его языку тем, что обличает язык малороссов: довольно смело в условиях, когда использовавший их в своих целях Никон ушел с патриаршего престола, зато теперь царь Алексей Михайлович привлекал киевское духовенство, подчиненное Константинопольскому патриарху, на борьбу с Никоном.

«Я не могу читать киевских книг, — пишет в своей грамматике Крижанич, — без омерзения и тошноты. Только в Великой Руси сохранилась речь, пригодная и свойственная нашему языку, какой нет ни у хорватов и ни у кого другого из славян. Это оттого, что на Руси все бумаги государственные, приказные, законодательные и касающиеся народного устройства писались своим домашним языком. Только там, где есть государственное дело и народное законодательство на своем языке, только там язык может быть обильным и день ото дня устраиваться»².

Сказано замечательно, и объяснено логично, но Крижанич откровенно лукавит. Сконструированный воспитанником римской Восточной коллегии русский общеславянский язык — вовсе не русский. Да, у автора есть интересные находки, вроде предложенных им слов *чужебесие* — преклонение перед иностранным, или *людодёр* — тиран. Но в целом он предлагает русским выучить другой, правильный язык. Как бы в интересах всех славян, но не объясняя — зачем. Такое объяснение: необходимостью для русских культурно освободить всех славян, — дано в публикуемой нами «Политике». Однако как это сделать с помощью русского или якобы основанного

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. Выпуск пятый. СПб., 1874. (Репринт М.: Книга, 1991). С. 432–433.

² Там же. С. 433.

на нем языка, если «язык — самое совершенное оружие мудрости», у русских, как и у всех славян, непригоден даже для перевода церковных книг?

Здесь Крижанич вторгся в область, когда легче легкого было угодить под статью № 1 Соборного уложения 1649 г.: «О церковных хульниках и мятежниках», учитывая, сколь жестокие баталии шли именно в XVII в. о точности и каноничности перевода священных книг на русский литературный, т. е. церковно-славянский язык того времени, *общий для всех* православных славян и даже валахов. Однако сам хорват, как бы доказывая неспособность русского языка выражать серьезные мысли, писал на такой дикой смеси русских, славянских и латинских слов, что вполне обезопасил себя от критики читателей. Просто не способных его прочесть. В нашем издании «Политики» дан лучший на сегодняшний день перевод на русский язык, однако я здесь отдам должное литературно изысканному переводу Костомарова:

«Наш язык, — пишет Крижанич, — убог, неприятен для уха, искажен, необработан, ко всему недостаточен. Он самый неспособный к песням, музыке, к поэтической речи, а в переводе церковных книг вконец извращен ... Мы, славяне, между другими народностями являемся как будто немой человек на пиру. Мы не в силах составить какой-нибудь благородный замысел, вести беседы о государственных предметах или какого-нибудь иного мудрого разговора».

Какой контраст с недавно прочитанным нами гимном русскому народу и языку, не правда ли? И вся яростная критика Руси, ее государственного устройства, обычаев и нравов состоит у Крижанича из таких контрастов. Иногда скрытых, как в его суждениях о неопрятности и всесторонней вонючести русских и их убогих жилищ. — Контраст понятен, если мы знаем, что в Западной Европе, откуда прибыл автор, люди уже сто лет как отказались мыть тело целиком (сам Крижанич с негодованием отказывался сходить в баню), а стирку белья даже в королевских семьях полагали делом чрезвычайным. Или возьмем его суждение о вонючести нашей соленой рыбы, когда родившийся в хорватских горах любитель козьих сыров не помиловал даже русскую воблу, сам ежедневно получая от государевых щедрот пиво.

Часто Крижанич противоречит себе открыто, буквально в соседних фразах. Казенная монополия на спиртное и государевы кабаки, введенные Алексеем Михайловичем не от хорошей жизни, а вследствие опустошения казны войнами с Речью Посполитой и Швецией, в «Политике» описаны как страшное зло. И тут же сказано, что их малое число, расположение только в городах (точнее — на окраинах городов. — А. Б.), заставляет сельских жителей, утомленных трезвой

жизнью, придя в город, дико напиваться. Надо полагать, что русские перестанут быть пьяницами (в реальности они пили меньше всех в христианской Европе), если питейные заведения возникнут у них повсеместно и будут частными, с низкими ценами на алкогольную продукцию ... К повсеместной доступности выпивки Крижанич предлагает добавить выращивать в России табак, в курении которого нет никакого греха.

Русские, по его словам, живут в страшной нищете, но тут же сказано, что в домашнем быту они богаче многих западных европейцев. В отличие от ненавидимых Крижаничем немцев русские разного чина и звания, даже вовсе небогатые и незнатные, носят яркие ткани и шелка, расшивают одежду золотом и, самое страшное, — ходят в меховых шубах, чего бережливые немцы благоразумно себе не позволяют, предпочитая скромную одежду серого и черного сукна.

«Чужие народы, — поучает русских католический священник, — ходят в черных и серых одеждах без золота и камней, без шнурков и бисерных нашивок; цветные ткани идут только на церковные да на женские одежды, а у нас на Руси один боярин тратит на свою одежду столько, сколько бы у других стало на трех князей. Даже простолюдины обшивают себе рубахи золотом, чего в других местах не делают и короли. Немцы в жестокие морозы ходят без шуб, а мы не можем жить без того, чтоб не закутаться в шубу от темени до пят». Даже «наши воины, — пишет он, — ходят в тесном платье, будто зашитые в мешок, головы у них голые, как у тельцов, а нечесаные бороды делают их скорее подобными дикарям, чем храбрым ратникам».

Все это звучит как анекдот. Где Крижанич видел, например, русских воинского звания без шапок, которые носили зимой и летом? И чем ему не приглянулись стильные «становые» кафтаны, придававшие русским воинам XVII в. вид молодецкаты, как на иллюстрациях И.Я. Билибина? И почему он не вспоминает, что на Западе в его время у мужчин не хватало денег на нормальные штаны, и они носили коротенькие штанишки до колена? А вместо цветных сафьяновых сапог надевали тяжеленные ботфорты чуть ли не до пояса, чтобы пробираться по своей непролазной грязи?

В то же время позиция Крижанича нам понятна и близка. Разве мы сами не ругали бы задним числом хозяина, который, обнося гостей братиной, налил в нее вина так много, что обмакнул в него пальцы? Мы не сетуем, как автор «Политики», что посуду подали немытую, дома неудобны, окна не пропускают воздух, под лавками сор не выметен? — Не важно, так ли все это на самом деле, главное — мы все под настроение любим все ругать.

Русские, по Крижаничу, в основном невежественны, им крайне необходимо просвещение, чтобы подняться до «мудрых» народов, немцев, французов и итальянцев, которые прежде были дикими и грубыми, но ныне поднялись к высотам науки, техники и культуры. «Только о нас, славянах, говорят, как будто нам судьба во всем отказала и мы не можем ничему выучиться. Но ведь и остальные народы не в один день и не в один год выучивались друг от друга; и мы можем научиться, если только будем иметь охоту и прилежание. Теперь пришло время для нашего народа учиться; Бог возвысил на Руси такое славянское государство, какому подобного не было в нашем народе в прежних веках; а мы видим и у других народов: когда государство возрастет до высокой степени величия, тогда и науки начинают процветать в народе».

В противодействии просвещению Руси Крижанич обвиняет «монахов, но сам, будучи священником, полагает необходимым ограничить высшее образование высшими классами. Он утверждает, что изучение высоких наук, вроде политики, философии и риторики, греческому и латинскому языкам, должно быть исключительной привилегией аристократии, и то не всей, а лишь богатейшей. «Философия, — пишет он, — если станет общим достоянием народа, то повлечет за собой многие вопросы и волнения, будет отвращать людей от труда к праздности, что мы и видим у немцев. Не должно все кушанья подправлять медом, потому что мед производит тошноту; точно также и философию не следует передавать всему народу, а только сословию благородному и некоторым из черни, для того призванным, насколько это нужно для службы государю, иначе достойнейший предмет пошлет, и жемчуг мечется перед свиньями».

Простонародье может обучаться, по мере необходимости, естественным, «трудовым» наукам, вроде математики, астрономии и медицины. А купцов следует заставить учить арифметику, которой они не ведают, и поэтому немцы их повсеместно обманывают. — Звучит забавно, ведь в те времена многие купцы уже учили детей иностранным языкам, а счет был обязательным предметом, наряду с чтением, письмом и пением, в каждой приходской школе¹.

Если Раскол, как писал Крижанич в соответствии с официальной версией царской и церковной властей, возник от невежества проповедников, то отчего бы русским не изучать богословие, в западных университетах стоящее рядом с философией и даже над ней?! Царь-реформатор Фёдор Алексеевич, который воссел на престол

¹ Очерки демографической истории России. XI–XXI века: в 7 томах. Т. II. XVI–XVII вв. М.; СПб.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 534–581.

в год отъезда Крижанича из России, сделает изучение философии и богословия высшим курсом всесловного государственного университета — Московской Академии, которую он тщательно задумал, но не успел воплотить в жизнь¹.

Однако изучать богословие в России профессиональный пропагандист папского престола не предлагает. И это понятно: освобождая славян, Россия не должна была духовно просвещать православных, заблудших под церковной властью греков, и тем более — с ученых позиций противодействовать католической реакции, надвигавшейся в то время из католической Польши.

Вообще, исполняя священную миссию освобождения славян от немцев и турок, русские, по Крижаничу, не должны были принимать славянские страны под крылья двуглавого орла и тем паче — под омофор московского первосвященника. Более того, им следовало примириться с католической верой Речи Посполитой. В сочинениях, написанных в России, он благообразно умалчивал о своем убеждении, что благочестивое просвещение всех славян должно быть униатским. Но отвержение русского духовенства от самой идеи просвещения обозначено Крижаничем вполне ясно.

Именно русское духовенство, по его мнению, противостояло распространению в России наук в XVII столетии. Мы бы с ним согласились, исходя из факта, что русские «мудрборцы», противники европейского высшего образования, были духовного звания. Однако мешает другой факт: просветители, яростно сражавшиеся против «мудрборцев» за всесловный государственный Московский университет и писавшие высшей европейской пробы научные труды, также были особами духовного чина, причем в немалом сане строителей, игуменов, архимандритов и даже митрополитов².

Жесткая критика недостатков русской жизни, требование отделить служилых по отчеству от иных сословий и развивать, прежде всего для них, светское образование, давало историкам основание говорить, что де Крижанич был провозвестником реформ Петра I. Это верно только если выхватывать из его «Политики» отдельные пассажи, опуская мысли, которые с петровской политикой расходятся.

¹ Богданов А.П. Царь-реформатор Фёдор Алексеевич: Старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018. С. 95–102.

² Богданов А.П. Борьба за организацию славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика. № 4. 1989. С. 128–134; Он же. Из предыстории петровских преобразований в области высшего образования // Реформы второй половины XVII–XX в.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989. С. 44–63. Детально: Он же. Проблема высшего образования в России второй половины XVII века // Genesis: исторические исследования. 2021. № 1. С. 26–65; Он же. «Грекофилы» и «латинствующие» XVII в.: тексты в контексте // Genesis: исторические исследования. 2021. № 4. С. 1–46.

Например, почти все, что Крижанич писал о необходимости строгого социального деления общества на сословия, нашло отражение в петровских реформах. Прежде всего, конечно, выделение аристократии и закрепление ее привилегий не только в образовании, но и в землевладении, гербах, высоких шапках, перьях и т. п. Именно на аристократию, а вовсе не на выходцев из других сословий, преимущественно опирался Петр в своих реформах¹. Народ должен платить подати и получать строго ограниченное потребностями государства образование, преимущественно ремесленное, прославляя, как Крижанич в 1677 г., прелести Богом установленного «рабства»².

В то же время многие идеи ученого хорвата расходятся с реальной политикой Петра I. Например, Крижанич был категорически против расширения России на Восток: ей следует ограничиться частью Сибири, а с остальными ее народами заключить мир. Здесь папский миссионер, в последнем своем сочинении, написанном уже за границей, рекламировавший продвижение римских миссионеров в Сибири и Китае³, откровенно лукавит. Он не мог не знать, что реально русские уже освоили Дальний Восток, кроме Камчатки, и прочно стоят на Амуре, на границе Китая. Но, упоминая, что некий немец в Сибири напроорочил, что царь овладеет Китаем, Крижанич утверждает, что «это враг хочет отвлечь нас от возможных дел и обратиться на невозможное, чтобы русский народ пошел на глупое завоевание Китая, а русским государством завладели бы немцы и татары».

Но что для Петра I Китай, скажете вы, ведь он ограничил свои интересы освоением Камчатки и исследованием северной части дальнего Востока. От Китая как царевна Софья в 1689 г. отказалась⁴, так и брат ее о нем не вспоминал. Однако Крижанич столь же решительно отвергает идею утверждения России на Балтике.

Не трогая западные страны, воевать русским следует лишь против мусульман, а продвигаться только к Черному морю: «Берега его и пристани будут более выгодны и потребны, чем берега Варяжского моря. Крымские татары много веков уже обижают окрестные народы. Пора уничтожить их наглость и разбои. Русскому государству надлежит проживать в мире со всеми северными, восточными и западными народами, а воевать с одними татарами. Дауры, калмыки и другие восточные народы нас не знают, если мы их не ищем;

¹ *Crummey Robert O. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // Canadian/American Slavic Studies 8 (1674). P. 272–287.*

² *Мордухович Л.М. Юрий Крижанич «о рабстве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 142–155*

³ Имею в виду его «Историю о Сибири», написанную в 1678–1680 гг., см. ниже.

⁴ *Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 289–310.*

шведы медлительны, тяжелы и немногочисленны; ляхи и литовцы ни на кого не идут войной, если их не затронут. Одни крымцы всегда требуют откупа и дани и никогда не перестанут нападать на нас. Покуда же мы будем откупаться от них дарами и терпеть беспрестанные разбои и опустошения, отдавать безбожному врагу чуть ли не доходы всей земли нашей, а свой народ осуждать на голод и отчаяние?»

Видное место в «Политике» занимает план Крижанича по завоеванию Крыма¹. Он утверждает, что «Крымская держава более всех земель подручна России. Там превосходные приморские пристани. Туда будут доставляться из разных стран близким путем товары, которые теперь немцы чуть ли не за полсвета возят в Архангельск. Крымская страна богата, может производить вино, хлеб, масло, мед, годных к военному делу лошадей, каких мало на Руси. Там есть мрамор, разный камень, много строевого дерева, годного на постройку; не знаю, есть ли серебряная и медная руда ... Если только от Бога суждено русскому народу когда-нибудь обладать крымскою державою, то не без важных причин мог бы преславный царь или кто-нибудь из твоих преемников перенести туда твою царскую столицу».

Чтобы завоевать Крым, русские, по мнению Крижанича, должны объединиться с поляками (такая попытка и была сделана Алексеем Михайловичем в 1673 г.²). А после покорения полуострова царь обязан изгнать из страны всех мусульман, которые не захотят принять крещение.

К чести Романовых надо сказать, что идея насильственного крещения не только мусульман, но вообще кого бы то ни было, их не посещала: она шла буквально поперек русской культурной традиции от самого ее начала³. Это была чисто католическая идея, как и лютая ненависть Крижанича к «немцам», равно любезным сердцам царей Алексея Михайловича, Фёдора и Петра Алексеевичей. Непонятно, как могли полагать хорватского мыслителя «провозвестником» реформ Петра I, если он люто ненавидит всех вообще иноплеменников, по его мнению, жестоко угнетающих славян?

Инвектива Крижанича против «чужебесия», прекрасная с точки зрения славянофилов, никак не могла бы понравиться его хвалителям за прозрение реформ Петра, если бы они ее прочли хотя бы в переводе Костомарова⁴.

¹ *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1891.

² *Богданов А.П.* Царь-реформатор Фёдор Алексеевич. С. 147–155.

³ Об этом подробно: *Он же.* Начало русской истории. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2022; *Он же.* Александр Невский: Солнце земли Русской. М.: Академический проект, 2022.

⁴ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях. С. 438–439.

— Ксеномания, т. е. чужебесие, — писал Крижанич в «Политике», — это смертоносная немощь, заразившая наш народ ... Ни один народ под солнцем не был искони так обижен и осрамлен от иноплеменников, как мы, славяне, от немцев, а между тем нигде иноплеменники не пользуются тем почетом и выгодами, как у нас на Руси, да у ляхов. Откуда голод, притеснения, мятежи, всякая нужда народа русского, как не от иноплеменников? Куда идут слезы, пот, невольный пост и подати, награбленные с народа русского? Все это пропивают немцы, торговцы, да полковники, да разных народов послы, да крымские разбойники.

— Они приносят к нам добрые науки, но не думают о нашем благе; иноземные духовные разоряют наше церковное устройство, обращают святыню в товар. За деньги посвящают недостойных пастырей, разрешают браки, дозволяют одному мужу переменить пять-шесть жен; за деньги, без исповеди, отпускают грехи, скитаясь среди нас, выпрашивают милостыню. Так поступают на Руси восточные пастыри, а западные, приходя из Рима к ляхам, выдумывали юбилеи, милостивые годы, объявляли прощение грехов за милостыню, посылаемую в Рим, приходя к нам под видом торговли и приводят нас к крайнему убожеству.

— У ляхов немцы, шотландцы, армяне, жидаы обладают всеми благами, упитывают свои желудки, а туземцам оставляют земледельческий труд, воевание, да сеймовые крики, да судебные хлопоты. На Руси везде нищета, и народные торговцы, да воры изъедают весь тук земли нашей, а мы только глядим. Те, под видом знатоков, приходят к нам со врачеством, заводят рудокопни, делают стекла, оружие, порох и пр., а никогда не научат нас делать то же, чтобы им навеки от нас корытоваться. Те обещают выучить нас военному искусству, но так, чтобы всегда остаться нашими учителями. Иные говорят нам, будто у них есть какая-то тайная наука, невиданная на Руси, но не надобно верить им; у них ничего нет...

— Залили и затопили иноплеменники наши земли, немцы выжили нас из целых держав: из Моравии, из Поморья, из Силезии, из Пруссии; в чешских городах уже мало славянского рода. У ляхов все города набиты немцами, жидами, армянами, шотландцами, итальянцами, а мы у них холопы, землю для них пашем, да войны ведем для их пользы: они бы сидели себе в каменных домах, а нас обзывали бы свиньями и псами!

— А на Руси что делается! Инородные торговцы везде держат товарные склады и откупы и всякие промыслы; вольно им ходить по нашей земле и покупать наши товары дешевой ценой, а к нам привозить дорогою и бесполезные... Где только есть пригожие места

для торговли — все это отняли у нас немцы, отогнали нас от моря, от судоходных рек, загнали в широкое поле землю орать...

— Иные обольщают нас суетными именами академий и высших училищ, степенями докторов, магистров, но все это пустяки: земля наполняется множеством бездельных писак и книжников. Лучше было бы им в молодости учиться полезным и потребным для народа ремеслам, а то мудрые учителя учат их грамматике, а не другим более корыстным знаниям: я еще не видал из нашего народа ни одного знаменитого врача, математика, музыканта или архитектора.

Как видите, и при Петре Великом Крижанич непременно угоди бы в ссылку, как это случилось при отце Петра. К Алексею Михайловичу миссионер прямо обращается с призывом разделить люютую ненависть к «немцам». Написав «Политику» в 1663–1665/66 гг., он в трактате «О промысле божьем или о причинах побед и поражений»¹ (1666) искренне возмущался, почему русские позволяют лютеранам и кальвинистам спокойно жить среди православных, вместо того чтобы беспощадно сжигать этих «еретиков» заодно с содомитами?! Но и его обращение к царю Алексею Михайловичу достаточно проникнуто ненавистью к ним:

— Ты единый царь, ты нам дан от Бога, чтобы пособить и задунайцам, и ляхам, и чехам, дабы они познали свое угнетение и унижение, помыслили о своем просветлении и сбросили с шеи немецкое ярмо.

— Ненасытима алчность немецкая; всего им мало, хотелось бы им весь народ и всю державу нашу пожрать одним глотком. Не удалось им учинить в России того, что у них было в мысли, т. е. захватить господство над народом, так как они уже захватили царственное величие в утрах, чехах, ляхах, Литве и в других странах, гневаются, скрежещут, рвутся от злости, как бы русское государство подчинить своей власти. Несколько раз они уже подходили близко к исполнению своего намерения, да только Бог уничтожал их высокомерные думы и освободил от прелютого ярма немецкого. А все-таки немцы не отступаются от своей думы...

— Болгары, сербы, хорваты давно уже потеряли не только свое государство, но всю свою силу, язык, разум. Не разумеют они, что такое честь и достоинство, не могут сами себе помочь, нужна им внешняя сила, чтоб стать на ноги и занять место в числе народов.

— Ты, царь, если не можешь в настоящее тяжелое время пособить им поправиться совершенно и привести к прежнему бытию их государства, то, по крайней мере, можешь исправить их славянский

¹ [Крижанич Юрий] О промысле. Сочинение того же автора, что и «Русское государство в половине XVII в.» / Сведения об открытой рукописи П.А. Бессонова. М.: в тип. Александра Семина, 1860. С. 63–64.

язык и открыть им умственные очи природные своими книгами, чтобы они познали свое достоинство и стали бы думать о своем восстановлении. Чехи, а за ними недавно и ляхи подверглись такой же печальной участи, как и задунайцы; ляхи хотя и хвастают тенью независимого королевства и своей беспутною свободою, но они сами по себе не могут выбиться из своего срама; нужна помощь извне, чтобы поставить их на ноги и возвратить к прежнему достоинству. Эту помощь, это народное просветление смысла только ты, царь, с Божьей помощью, можешь даровать ляхам.

Такой подход Крижанича к миссии России не мог не понравиться панславистам XIX в., но не имеет никакого касательства к мыслям и делам Петра I, который из иноземцев описался в преобразованиях вовсе не на католиков, у которых, как уверяет Крижанич во многих своих произведениях, никаких серьезных противоречий с православными нет, а на «немцев» Северной, протестантской Европы: тех самых, кого его отец, вопреки настояниям Крижанича, не стал жечь на кострах.

Осуждение русской действительности XVII в. в сочинениях Крижанича всегда нравилось западникам, но его дикая ненависть к «немцам» соответствовала душевным потребностям славянофилов. Хотя надо сказать честно, что не любил Крижанич никого, включая славян, презираемых им за жалкое положение, и русских, бывших объектом его насмешек. Кроме «немцев», он более всех ненавидел «греков»: духовенство Православного Востока, своих конкурентов в миссионерской деятельности в России.

«Греки» у Крижанича — настоящие исчадия Ада: доброго слова в «Политике» о них не сыскать. Они — рабы турок и плуты в торговле, стекла выдают за драгоценности, и неведомо что за священные предметы. Они в глаза льстят русским и сочиняют басни, говоря о величии России, но между собой злословят на всех славян, называют их рабами и варварами, которых надо вразумлять кнутом. — Увы, в чем-то Крижанич был прав. Греческие искатели милостыни лебезили перед царем в Москве, а у себя на Афоне объявили еретиком и грозили сожжением сербу только за то, что он читал книги московской печати, изданные по указу царя. С этой истории начиналось самое знаменитое русское публицистическое произведение XVII в., «Прения с греками о вере», не неведомым публицистом написанное, но поданное в Посольский приказ как отчет опытным дипломатом и ученым Арсением Сухановым¹.

¹ Опубл. по всем авторским редакциям: «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церковей в XI–XVII вв. М.: Академический проект, Директ-Медиа, 2020 (переизд. 2022). С. 429–500.

БЕСЕДЫ
О ПРАВЛЕНИИ

15 апреля 1663 года

О РУКОПИСИ

Сочинение «Беседы о правлении» (*Razgowôri ob wladátelystwu*), известное в литературе под названием «Политика», является частью большого сборника, написанного Ю. Крижаничем в Тобольске в 1663–1666 гг.

О первоначальном замысле этой книги мы узнаем из Предисловия к ней: «...здесь говорится о торговле, о рукодельных промыслах, о земледелии... Об укреплении царства, об умножении сил и обо всяких ратных промыслах. О соблюдении чести и достоинства... О законах, и обычаях, и о законопорядке...» (см. наст. изд. С. 74–75). Воплощением этого замысла и явились «Беседы о правлении». Они состоят из трех частей, которые в соответствии с планом Крижанича посвящены «богатству», «силе» и «мудрости».

«Беседы о правлении» можно по праву рассматривать как самостоятельное произведение, рукопись которого носит характер белого списка (хотя и испорченного позднейшими поправками и приписками).

Можно предположить, что Крижанич, написав «Беседы о правлении», считал свою работу законченной и подготовил ее белой список для отправки в Москву. Однако этому намерению не суждено было сбыться, и, не найдя способа отправить книгу московским властям, Крижанич, накопивший за время работы над «Беседами» немало мыслей о сущности и задачах государственной власти, о состоянии России и славянства и т. д., стал излагать эти мысли в новых сочинениях, приплетая все новые и новые тетради к рукописи «Бесед о правлении».

Эта масса завершенных и незавершенных фрагментов, составляющих содержание рукописного сборника Крижанича, может быть разделена на несколько более или менее четко разграниченных частей:

1. Беседы о правлении.
2. Повести о грехах и о Римском царстве.
3. Группа статей о причинах и последствиях народных заблуждений.
4. Группа статей о принципах управления государством.
5. Группа статей об основных принципах внешней политики и о причинах вмешательства провидения в дела народов.
6. Группа статей о «политичных ересях».
7. «Опоминки краля Силадьяна к сину Идрису».

8. «Изъявление об Римском царстве...» с примыкающими к нему статьями — «Письма Ксенофила Филолаю», «О победе камня...», «Видение о пророчестве Даниила», «О царстве христовом».

9. Статьи «О чести...», «О клевете...», «О зависти...».

10. Экономические статьи.

Рукопись Крижанича не была озаглавлена ее автором. Лишь позднее на обороте первого листа было помещено название «Полонолатинская о разделах» с пометкой: «Сильвестра Медведева». Очевидно, Сильвестр Медведев, известный политический деятель и библиофил конца XVII в., заметил, что рукопись Крижанича состояла из отдельных статей («разделов»). Еще позднее на корешке рукописи появилось, название «Aphorismus de Officio boni regis. Latine et Bohemice», повторяющее заголовок записи Крижанича на первом листе его труда.

Отсутствие авторского заглавия привело к появлению многочисленных произвольных титулов, под которыми сочинение Крижанича стало фигурировать в научной литературе. Наибольшее распространение получило название «Политика», характерное для аналогичных сочинений XVII–XVIII вв. Следуя установившейся традиции, настоящее издание также названо «Политикой», хотя читатель не должен забывать о том, что титул этот позднейшего происхождения и не принадлежит самому Крижаничу.

История рукописи «Политики» до сих пор недостаточно ясна. П. А. Бессонов предполагал, что «Политика» была доставлена из Тобольска в Москву при посредстве сибирского архиепископа Симеона, передавшего ее вместе с рядом других книг Крижанича митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу. Предположение Бессонова связано с тем, что в описи библиотеки митрополита Павла (1675 г.) среди прочих книг упоминаются «книга Политика, письменная» в полдести и «книга Политика, Венгерская или Чесская» в десть (П. А. Бессонов. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке. Православное обозрение, 1870. Кн. I. С. 134–135). Обе эти книги Бессонов считает списками тобольского труда Крижанича (в полдесть — первоначальный, не дошедший до нас неполный список, в десть — полный черновой текст, находящийся ныне в нашем распоряжении). И далее, исходя из того, что «Политика Венгерская или Чесская» была «взята к государю», Бессонов приходит к выводу о существовании еще одного — *белового* экземпляра «Политики», специально изготовленного в Москве «для государя» и не дошедшего до нас (Там же. С. 135–136).

Гипотеза Бессонова отличается множеством уязвимых мест: ничем не доказано участие архиепископа Симеона в судьбе рукописи: бездоказательно предположение о существовании *трех* экземпля-

ров текста, и в особенности белового подносного экземпляра, ибо переписать набело фолиант «Политики» мог бы только сам Крижанич, а отнюдь не московские писцы; и наконец, повисает в воздухе утверждение о том, что сочинение Крижанича было хорошо известно московским властям.

Это последнее утверждение, весьма распространенное в литературе о Крижаниче, было основано на данных описи книг библиотеки Московского печатного двора, куда, по версии Бессонова, перешли сочинения Крижанича, находившиеся у митрополита Павла. В самом деле, в этой описи упоминается, что по распоряжению царя Федора Алексеевича в царский дворец была передана «Политика на Чешском языке» — в десть, затем «Политика писменная, Словенская» — в полдести (Бессонов П.А. Указ. соч. С. 138–139) и в 1676 г. «книжица в полдесть писчей бумаги, а в ней список с книжицы Юрья Сербенина» (Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1903. С. 292). Однако ни Бессонов, ни его единомышленники не привели убедительных доказательств того, что в описи Печатного двора говорилось именно о рукописях тобольского труда Крижанича, а не о каких-либо других сочинениях, озаглавленных подобным образом.

Что же касается «списка с книжицы Юрия Сербенина», который Белокуров принял за беловой экземпляр «Политики», то описание этого списка (черевчатый атласный переплет с шелковыми лентами и формат в полдесть) соответствует внешнему виду «Приветствия царю Феодору Алексеевичу» (Рукоп. отд. Библ. АН СССР, № 32.4.14), которое было подано Крижаничем как раз в 1676 г.

Развивая далее свою версию, Бессонов утверждал, что после смерти царя Федора Алексеевича при дворе остыл интерес к трудам Крижанича. Этим воспользовался известный русский книжник того времени Сильвестр Медведев, получивший книги Крижанича из дворца в свое личное пользование (Бессонов П.А. Указ. соч. С. 142–143). Так Бессонов объяснял появление книг Крижанича в библиотеке Сильвестра Медведева, то есть подводил историю рукописи «Политики» к тому этапу, начиная с которого мы уже можем проследить судьбу тобольского труда Крижанича по сохранившимся документам.

В описи книг, изъятых после ареста Медведева и переданных в библиотеку Печатного двора, Бессонов обнаружил «Книгу о разделах, писменную» — сочинение, носившее именно то название, которое проставлено на рукописи Крижанича (Там же. С. 157). Это первое достоверное свидетельство, относящееся к труду Крижанича, а не к какому-либо другому сочинению, которое современники могли бы назвать «Политикой».

В библиотеке Сильвестра Медведева находились и другие труды Крижанича («О промысле Божиим», выписки из исторических книг). Наряду с сочинениями Крижанича среди книг Медведева были также издания Барония, Кромера, Кнапского, «Политика» Аристотеля, то есть сочинения, послужившие источниками сибирских рукописей Крижанича. Все это позволяет предположить, что Медведев каким-то образом оказался владельцем большого количества материалов, связанных с Крижаничем (его рукописей и книг, вывезенных из Тобольска в Москву). Может быть, материалы эти перешли к Медведеву от самого Крижанича после его возвращения в Москву в 1676 г.

Во всяком случае, история рукописного наследства Крижанича нуждается в дальнейшем изучении, и пока что у нас нет достаточных оснований полностью соглашаться с Бессоновым, утверждавшим, что сочинения Крижанича в конце XVII в. были хорошо известны в Москве и пользовались большим почетом (Бессонов П.А. Указ. соч. С. 158).

В течение полутора столетий «Политика» Крижанича пребывала в полном забвении на полках библиотеки Печатного двора [в каталоге Типографской библиотеки (сер. XVIII в.) рукопись «Политики» значилась под названием: Aphorismus de officio regis boni. Latino-Bohemica. См. Там же. С. 340], а затем в Московской Синодальной библиотеке. Лишь в 1857 г. П.А. Бессонов, изучавший рукописи Синодальной библиотеки, вновь открыл для науки этот замечательный труд.

Первое издание «Политики» вышло в свет в 1859 г. в качестве приложения к журналу «Русская беседа» и составило шесть выпусков, носивших название «Русское государство в половине XVII века» («Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П.А. Бессонов, вып. 1–6. Приложение к «Русской беседе», 1859). В это издание вошли некоторые разделы «Бесед о правлении» (из I и III части) и следующие за ними статьи сборника. В послесловии к шестому выпуску Бессонов вкратце перечислил оставшиеся ненапечатанными разделы книги Крижанича.

В своем издании Бессонов отказался от воспроизведения латиницы, которую употреблял Крижанич, и применил кирилловскую транскрипцию «славянской» части «Политики». Выработанные Бессоновым правила переложения латинского написания в кирилловское были широко использованы в последующей литературе о Крижаниче.

В подстрочных примечаниях к тексту книги Бессонов привел лишь отдельные варианты и разночтения, содержащиеся в руко-

писи Крижанича. В некоторых случаях он произвольно менял расположение материала, что иногда создавало путаницу и затрудняло понимание текста.

Все эти особенности издания 1859 г. были присущи и второму, более полному изданию «Политики», предпринятому Бессоновым (под тем же названием) в 1859–1860 гг. (Русское государство в половине XVII века. Т. 1–2. М., 1859–1860). Бессонов воспользовался набором предыдущего издания и присоединил к нему ряд разделов, пропущенных в первом случае). На этот раз Бессонов напечатал почти целиком (с небольшими пропусками) «Беседы о правлении» и последующие части рукописи, т. е. примерно $\frac{3}{5}$ сборника Крижанича.

Бессоновский двухтомник 1859–1860 гг. вплоть до настоящего времени являлся единственным изданием «Политики», основанным на подлинной рукописи Крижанича.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политические
писатели

1. В этих книгах переведены беседы и наставления некоторых знаменитых писателей, писавших о политических делах (то есть о царских, государственных и народных заботах и промыслах): а именно Филиппа Коминя¹, Паоло Паруты², Юста Липсия³ и других.

Коминь

Филипп Коминь был парижским боярином⁴, двух французских королей думником⁵ и к разным государям послом. Считают его изрядным политиком и политическим писателем.

Парута

Паоло Парута был венецианским боярином и думником и похвально писал о политике.

Липсий

Липсий был философом и человеком великого рассудка. Его книги весьма славятся.

Фауст

А Максим Фауст⁶ написал книги о казне и о деньгах, и о рудах. Он приводит полезные размышления и наставляет, как

¹ Коминь Филипп (Gomines Ph. de, 1447–1509) — французский политический деятель и историограф, автор «Мемуаров», описывающих правление Людовика XI и Карла VIII. Крижанич пользовался этим сочинением в латинском переводе И. Слейдана: Duo gallicarum rerum scriptores nobilissimi. Frossardus in brevem historiarum memorabilium Epitomen contractus; Ph. Gominaeus de rebus gestis a Ludovico XI et Carolo VIII. Francofurti, 1594.

² Парута Паоло (Paruta P., 1540–1598) — венецианский историк, автор книг «Политические рассуждения» (Discorsi politici. Venetia, 1599), «История Венеции» (Historia Vinetiana. Vinetia, 1605) и др.

³ Липсий Юст (Lipsius J., 1547–1606) — голландский ученый, юрист, филолог, издатель античных классиков. У Крижанича в Тобольске была книга Ю. Липсия «Политические поучения и примеры» (Monita et exempla politica. Amsterdami, 1630).

⁴ *Боярин* (bolyarin) — в данном случае — вельможа, знатный человек. Термины, применяемые для обозначения категорий «племенитых людей», имеют у Крижанича различное содержание. «Боярами» он называет то привилегированное земледельческое сословие в целом, то — лишь часть этого сословия: высшие чины служебной иерархии. Термин «племяне» тоже применяется то как родовое понятие, то в качестве синонима русского слова «дворянин» и «сын боярский», причем в последнем случае подчеркивается, что «дворяне» не могут быть приравнены к «князьям» и «боярам». Таким образом, терминология Крижанича в этом вопросе весьма неустойчива, и он сам неоднократно переправляет и заменяет одни термины другими.

⁵ *Думник* (dumnik) — советник, член правительства.

⁶ Фауст Максим (Faust de Aschaffenburgk M., 1593–1651) — немецкий ученый конца XVI — начала XVII в., автор книги «Советы о казне» (Consilia pro aegrio civili, ecclesiastico et militari. Francofurti, 1641).

В донесении Конгрегации пропаганды веры от 9 апреля 1647 г. Крижанич писал: «Я купил в Вене новую книгу под названием „Советы о казне“» (Бессонов П.А. Указ. соч. Приложения. С. 176–177). Книга М. Фауста, трактующая о торговле, о ремесле, о земледелии, о горном деле и т. д., послужила Крижаничу образцом для построения первой части «Политики» («О богатстве»). Однако прямых заимствований из этой книги в «Политике» не встречается.

собирать казну со справедливой и подлинной выгодой и с честью для правителей, и без притеснения подданных.

2. Еще и из разных других книг здесь выписано о том, что подобает для соблюдения чести царского имени и величества. Каково мнение других народов об этом славном царстве. Что в своих книгах о нем пишут. Что хвалят и чего не хвалят и как нам понимать их обвинения и им отвечать, если выпадет случай, во время посольств или еще где.

Что чужезранцы пишут о нас

Как соседние народы обычно обманывают это преславное государство. Как надо обходиться с ними во время посольств, при переговорах в торговых делах и на войне; как оберегаться от их непрестанных обманов и хитростей, посредством коих они завладевают всеми плодами этой земли и достоянием всего народа.

И как нас обманывают

3. Потому здесь говорится о торговле, о рукодельных промыслах, о земледелии или о пахоте и обо всяких промыслах, что служат обогащению государственной казны и благоденствию народа.

Торговая Ремесло Земледелие

Об укреплении царства, об умножении сил и обо всяких ратных промыслах.

Могущество

О соблюдении чести и достоинства — то, что непременно надо знать, но, как мне кажется, доселе никогда не говорилось.

Достоинство

О законах и обычаях, и о законопорядке¹, как он со временем бывает нарушен. Как хорошие порядки беречь, а дурные искоренять.

Законопорядок

О НЕДУГАХ ИЛИ О БЕДАХ НАРОДНЫХ

4. Святой Амвросий (кн. 1, комм. 5 к гл. 7 от Луки), говоря о том мертвце, которого спаситель воскресил в Капернауме, сказал так: «Мертвеца оного довели до гроба четыре первозданные причины, кои порождают все недуги и постоянно тянут к могиле все людские тела»². Ведь говорят, что тело наше состоит из четырех первозданных вещей — то есть из земли, воды, воздуха и огня. Так как все они враждебны между собой и пагубны друг для друга (ибо всегда сухое борется с мокрым, а тепло с холодом), они не могут пребывать в мире и соединение их не может быть прочным. Оттого же и в нашем теле из-за такого несогласия между его частями всегда идет борьба, оно хиреет, и нужна ему ежедневная поддержка едой. Если

Государства подвержены болезням

¹ Законопорядок — в оригинале *Zakonostawie*. В других случаях это слово имеет значение «законодательство», «закон(ы)», «порядок», «порядки».

² *Амвросий, епископ Медиоланский*. Две книги о покаянии. М., 1901. С. 126.

бы едой и питьем (а временами и лечением) не обновлялась его сила, быстро бы оно развалилось и погибло.

Точно так же и всякое государство состоит из многих противоречивых частей, кои своим несогласием и борьбой наносят ему вред и ведут к его упадку или к разорению. То есть все время незаметным образом возникают то собственные дурные законы, то чужеземное насилие или хитрости, которые, словно недуги, поражают государство, и оно хиреет и тлеет, и нужно ему постоянное подкрепление.

Болезни государственные

5. Недуги или же болезни народные возникают по разным причинам:

– Если королевство попадет под власть иных народов, подобно польскому, где правят иноплеменники.

– Если нужно будет платить дань какому-либо иному народу.

– Если в договорах, в торговых и в иных делах народ наш будет хитростью обманут соседними народами и обнищает.

– Если не будет справедливого суда и управы, если злодеи свободно злодействуют, а сильные слабых обижают.

– Если в королевстве будут алчные люди и безбожные законы или раздоры и обиды, из-за коих людям всегда придется жить в печали и вздыхать и жаждать перемен.

– Если в наших делах будет какая-нибудь неудача, из-за коей весь народ потерпит убыток и поношение, злую славу и хулу.

Помощь и лекарство государству – хорошие законы

6. Все это приносит народу зло, от которого всегда должно предохранять государево попечение; и надо позаботиться, чтобы любым способом изгнать из государственного тела эти болезни. Хороший правитель не довольствуется тем, что сохраняет государство в прежнем его состоянии, но всегда стремится сделать его богаче, сильнее, достойнее и непременно счастливее. И кто не старается улучшить свое государство, несомненно ухудшает его, ибо оно не может долго оставаться в одном состоянии, а становится либо лучше, либо хуже. Улучшение же и укрепление государства гораздо более зависит от хорошего законодательства, нежели от расширения рубежей и завоевания новых стран.

Преображения Адриана

7. Царь Адриан¹ перед смертью сказал своим боярам: «Получил я город Рим кирпичным, а оставляю его мраморным». По условиям того места и времени он поступил хорошо. Но

¹ Адриан (76–138) – римский император.

много лучше поступил бы и большую славу стяжал бы тот правитель, который мог бы сказать: «Получил я государство, зараженное дурными порядками, а оставляю его наделенным хорошими законами».

8. Филипп — князь Чешской державы в Немецкой земле — обычно говорил: «Хорошее устройство государства познается по трем вещам:

Хорошие
дороги,
хорошая
монета,
хорошие суды

во-первых, по хорошим дорогам — если будут хорошие мосты и будет можно ходить по стране, не страшась воров и прочих опасностей;

во-вторых, по хорошей монете — если торговля не страдает от негодных денег;

и в-третьих, по хорошим судам — если будет всем легко добиться суда и скорой управы».

Князь этот действительно хорошо сказал, но, однако же, назвал не все, что надо, а только самое основное. Ибо, кроме этих трех забот, правителям необходимы еще и другие промыслы, о которых мы, с божьей помощью, по мере наших сил здесь расскажем.

РАЗДЕЛЕНИЕ СОЧИНЕНИЯ

9. Иеремия говорит: «Да не хвалится мудрый мудростью своею, сильный — силою своею, богатый — богатством своим. Но хвальныйся хвались тем, что понимает и знает Меня», — говорит Господь» (Кн. пророка Иеремии, 9:23)¹.

Три мирские
основы и три
столпа государ-
ства: богатство,
сила и мудрость

Этими словами пророк учит: прежде всего нужно воздать богу славу, то есть познать его и любить и прославлять добрыми делами. При этом он говорит о трех вещах, коими мир славится и в коих он почитает свое счастье — то есть о богатстве, силе и мудрости. Но мирскую славу он считает суетной и погибельной для душ, если стремятся к ней одной и при этом забывают бога. Но для тех, кто верен богу, эти вещи не вредны, а, напротив, хороши и много полезны и необходимы и являются дарами божьими.

Вот почему мы разделим это сочинение на три части и расскажем о богатстве, силе и мудрости государевой.

¹ Перевод цитат из Библии дается по тексту Синодального издания Библии (М., 1956) с незначительными исправлениями. В тех случаях, когда Крижанич цитирует Библию неточно, пересказывая ее своими словами, дается перевод этого пересказа, максимально приближенный к тексту Синодального издания. Перевод фрагментов из книг, не вошедших в Синодальное издание 1956 г., дается по изданию: Библия. Киев, 1893.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О БЛАГОЧЕСТИИ, БОГАТСТВЕ, СИЛЕ, МУДРОСТИ И ЧЕСТИ

Люди
пренебрегают
благочестием

10. В приведенных словах пророка сказано о четырех столпах государства: о благочестии, богатстве, силе и мудрости. Благочестие укрепляет душу и уготовливает вечное блаженство, а остальные укрепляют тело и приносят телесное блаженство тем, кто пользуется ими правильно и в меру.

11. Но, к удивлению и превеликому несчастью, едва ли кто на деле ищет того, что лучше и важнее всего, то есть благочестия и вечного блаженства. А весь мир ищет богатства, силы, мудрости и славы и думает об этих вещах непрестанно и безмерно. Но великое множество ищет их неправедными путями, а многие и не знают, что представляют собой эти вещи.

Богатство —
это много-
людность

12. Богатство правителя состоит не столько в его золотой и серебряной казне, сколько в многолюдности [его страны]. Не тот король богаче, у коего больше золота, а тот, у кого больше людей. Ибо Писание говорит: «Во множестве народа величие царя, а при малолюдстве — стыд государю» (Притчи, 14:28).

Сила —
хорошие
законы

13. Сила состоит не столь в обширности державы и в неприступности крепостей, сколько в хороших законах. При жестоких порядках наилучшая земля остается пустой и редко населенной. При размеренных порядках и плохая земля бывает многолюдной и густо населенной.

Мудрость:
познай самого
себя, не верь
чужестранцам

14. Мирская мудрость государева основана на двух правилах: «Познай самого себя. Не верь чужестранцам». Ибо так же, как простые люди простыми бывают обмануты, так и короли бывают обмануты королями и целые народы — другими народами. Лишь того человека не обманут, кто недоверчив. Считай вечной истиной, что никто и никогда не творит никакого добра ради ближнего своего, а всегда ради себя и по своим причинам. И поэтому тот, кто верит людям, лишается того, на что надеялся. Особенно — наш народ, ибо причина всех наших тяжких общих бед в том, что мы сами себя не знаем, а чужестранцам верим.

Что такое
суетная слава?

15. Славу, честь и достоинство государево некоторые видят в трех вещах:

— похваляться перед чужестранцами красивой дорогой одеждой, пышным войском, государевым серебром и казной;

– одаривать тех же чужестранцев, послов и торговцев большими богатыми подарками;

– держать у себя на большом жалованье множество тех же чужестранцев праздных и ненужных лишь ради славы, какую они приносят.

Но те, что так считают, горько ошибаются и обманывают своих государей. Суетна та слава, когда своих морят, чтобы чужих насытить. Соседние народы не хвалят этого, а хулят и высмеивают.

16. Нет славы королю в том, что чужестранцы получают от него пребогатые дары (кроме некоторых необходимых слугаев). Но в том его слава, чтобы не дать перехитрить себя в торгах и в договорах.

Истинное достоинство — не дать себя перехитрить

17. Нет славы королю и в том, что множество чужестранцев будут у него обжираться и пьянствовать. Ведь сами эти хлебогубцы, объедаясь и пьянствуя, насмеваются над такими порядками, а другие люди — и подавно. Но славен будет король, если его собственные подданные будут богаты и достойны. Чем более достойными подданными король правит, тем больше почитают его самого. Король, который хочет, чтоб его особенно чтили, должен возвысить достоинство своих князей и бояр.

Управлять достойными

18. О, как заблуждаются те, кто мнят, будто достоинство государево зависит более всего от богатства казны, даже если государство будет нищим. Ни от чего так не зависит достоинство государево, как от богатства подданных. Где подданные богаты, там государь может вести войну сколько хочет. А где одна лишь казна богата, а вся страна убога, там скоро не станет силы.

Управлять богатыми

Часть I. О БЛАГЕ

Многие способы обогащения — плохи

1. Способы умножения государственной казны всем на свете людям хорошо ведомы и везде применяются, так что нельзя придумать заново ничего такого, что бы еще доселе у людей не было в обычае. Как говорит Екклезиаст: «Ничто не ново под солнцем, и никто не может сказать: это — новое» (Екклез, 1:9–10). Лучше было бы отучиться от некоторых старых [способов], нежели изыскивать новые способы умножения казны.

Однако достойно удивления, что во всяком деле новые советы вызывают сомнение, недовольство и легко осуждаются, и лишь при сборе казны ничто не бывает столь новым, несправедливым, безбожным и позорным, чтобы его не принять.

2. Я не стану выдумывать новых способов умножения казны, но только скажу, что некоторые способы и промыслы несправедливы, нечестны и ложны или ведут не к обогащению, а скорее к обнищанию. А затем скажу, как надо пользоваться справедливыми, честными и полезными способами и сохранять [их].

3. Дурные способы суть таковы:

Алхимия Во-первых, алхимия или изготовление золота — бесовский блуд, вследствие коего люди надеются сделать из меди золото и серебро. Несчетное множество людей испокон веков трудилось и трудится над этим, но еще ни один правитель не получил от алхимии столько, чтобы мог прокормить хоть одного воина, и ни один алхимик не создал ни одной капли золота из меди и не извлек для себя никакой выгоды без содействия дьявола или без обмана иных людей.

Чеканка 2. Чеканка или переливка монеты: когда ищут прибыли от чеканки монеты и чеканят негодные деньги. Способ этот не только несправедлив и полон греха, но и весьма обманчив: кажется он прибыльным, однако является убыточным и вредным. Во веки веков отнюдь и правитель не может получить от перечеканки ни одной монеты, не потерпев при этом стокаратного ущерба.

У лекарей есть средство, называемое «мерой отчаяния» (*Remedia desperata*). Когда лекарь сочтет больного умирающим, он отрезает у него какую-то часть тела, либо разрезает тело и опять зашивает его, либо иначе лечит, но так, что больной либо выздоровеет, либо умрет от самого лечения.

Чеканка негодных денег подобна этой смертельной «мере отчаяния». И равно как «мера отчаяния» применяется не иначе, нежели в крайней нужде, когда нет никакого иного средства, так и негодные деньги нельзя чеканить без крайней нужды. А прекратить это надо как можно скорее, ибо если это будет долго длиться, то с народом станет то же, что с больным, которому бы лекарь отворил жилу и не перевязал ее: вся кровь бы вытекла, и человек бы умер. Так и с народом — все богатство (называемое второй кровью) от народа утечет.

3. Нещадные поборы, жестокие порядки, монополии¹, ка- Поборы
бацкие дела и всякое чрезмерное и немилосердное отягощение подданных. Правильно говорится: «Не делай другому того, чего не хочешь сносить сам».

4. А самое худшее дело и разорение для страны — это чу- Чужеземные торговцы
жеземная торговля, то есть когда какой-нибудь король позволяет чужеземным торговцам пребывать или жить в своей державе, склады и лавки держать и торговать по всей стране. Ибо ¹они везде задешево скупают наши товары и открывают своим землякам-чужеземцам все наши тайны, не только в торговых, ²но и в государственных тайных делах. Они разрушают наши собственные порядки и насаждают в нашем народе свои растленные, гибельные обычаи и вводят нас в соблазн и губят ³наши души, — и за все это королю придется держать ответ перед богом.

Одним словом, эти торговцы являются причиной неизмеримых бед для тела и для души. А пользы от них нет никакой, кроме некоторых подарков, кои они дают царю или боярам. Но эти подарки нечего считать, ибо [чужестранцы] вывозят из нашей страны в десять тысяч раз больше богатств, нежели сами нам дарят.

А в тяжелые времена они вывозят из государства свои то- ⁴
вары и тем вызывают в государстве большую дороговизну. А отечественные торговцы вместе с нами терпят зло и добро и не отправляют в другие места свои товары из-за того, что введены медные деньги².

А еще и того хуже, когда эти чужеземные торговцы бывают не самостоятельными хозяевами, а слугами и приказчиками

¹ *Монополии* — в оригинале *samoterzie*. В польской литературе XVI—XVII вв. для обозначения монополий применялся термин *samokupstwo*. Иногда Крижанич называет монополии — *samotôrznaja ôblast*.

² В 1654 г. правительство царя Алексея Михайловича ввело в обращение медные деньги, однако эта реформа оказалась неудачной, и в 1663 г. медные деньги были отменены.

других, более богатых купцов (каковы все немцы¹, торгующие на Руси). Ибо они и сами со своей челядью кормятся и богатеют за наш счет и своим хозяевам отсылают наши товары, которые могут быть куплены по самой дешевой цене и в самую дешевую пору, и сверх всего посылают им ежегодно условленный оброк деньгами или товарами. И посредством этой хитрости они заставляют сие преславное государство без всякой нужды и неведомо за что платить дань или ясак своим англичанам, брабантцам и гамбургцам.

И ныне эти немцы хорошо дали нам себя знать: всю меховую казну они скупили за медные деньги, а затем привезли ее опять на Русь и за бесценок спустили за серебро², и тем причинили царской казне и всему народу несметный убыток.

О, славный государь, ни за что не верь волку, если он захочет откормить твоих ягнят, и во веки вечные не верь, что чужеземный торговец принесет тебе какую-нибудь пользу. Ведь не может быть, чтобы твое богатство умножил тот, кто сам обходит все земли и моря, всю свою жизнь посвящает странствиям и гибельным опасностям ради денег и более жадно смотрит на серебро, чем волк на ягнят.

Тот, кто бросает в воду леску, надеется вытащить рыбу. Тот, кто сеет в землю жито, надеется сжать его в десять раз больше. И если чужеземный торговец тебе, государю, либо твоим боярам поднесет серебряный стакан или какой-нибудь другой подарок, то несомненно он вывезет из твоей земли и проест в сто раз больше богатств. Правду, следовательно, говорил Варух: «Если вступишь к себе чужестранца, он тебя разорит».

Пословицы

Не все то золото, что блестит; не все то полезно, что кажется полезным. Некоторые промыслы кажутся полезными, а оказываются совершенно вредными. Есть богатство, которое не обогащает, а напротив — разоряет.

¹ Немцы (Nemci) — в русской письменности XVI—XVII вв. «немцами» называли жителей многих стран Западной Европы. Употребление слова «немец» в значении «чужеземец из Западной Европы» встречается и у Крижанича, но в большинстве случаев слово это приобретает у него специфический смысл: для Крижанича «немцы» — это не испанцы, французы, итальянцы или венгры (в русской письменности — «латиняне»), а германцы, англичане, голландцы, датчане, шведы. Таким образом, «немцы» в понимании Крижанича — это лютеране и протестанты, это особый мир, враждебный славянам, грекам и «латинянам».

² «...за бесценок спустили за серебро». — В результате денежной реформы 1654 г. большинство торговых сделок в России совершалось в то время на медные деньги (Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 43). Рассказ Крижанича свидетельствует о том, что иностранцы использовали операции на пушном рынке для выкачивания дефицитных в России серебряных денег.

Справедливыми называются такие промыслы, когда мы извлекаем всю пользу, которую можно получить от нашей земли и от соседних народов разумными, богобоязненными или милосердными и хорошими средствами, а не глупым, жестоким или мерзким путем.

Пустой доход: взять что-либо, а отдать за это вдвое или больше — таковы доходы от складников¹ и чужеземных торговцев, живущих в нашей стране.

Неправедные доходы бывают от откупов, от чеканки монеты и т. п.

Дурные доходы — от мелких, ничтожных и негодных вещей..

«Корень всего зла — в жадности», — говорит Павел. Жадность и тщеславие — это для государств Сцилла и Харибда, то есть гибельные утесы. От них проистекают все дурные и тиранские порядки.

Королевские сирены — это льстецы, астрологи, алхимики и чеканщики или изобретатели, измышляющие выгоды от переливки монеты и от других неправедных и тягостных для народа способов сбора казны.

Ненадежен всякий доход, добытый без труда и пота, либо без затраты достаточного времени, либо неправедно, либо жестоким или постыдным способом. Всякий надежный доход должен быть основан на труде и поте, приумножаться постепенно и терпеливо и принимать его следует справедливо и достойно.

Неумеренная роскошь приносит телу болезни, неумеренное богатство порождает нищету: то есть за чрезмерными сборами в казну следует запустение страны. Умеренность приносит наилучшие доходы.

В королевстве бедном и малолюдном король не может иметь надежного богатства. В королевстве богатом и многолюдном король не может быть бедным.

Кто ловит рыбу в меру, всегда найдет в пруду что ловить. А тому, кто в один день дочиста выловит всю рыбу из пруда, в другой раз нечего будет ловить.

Честь, слава, долг и обязанность короля — сделать свой народ счастливым. Ведь не королевства для королей, а короли для королевств созданы.

Где законы хорошие — там и подданные довольны, и чужеземцы хотят туда прийти. А где законы жестокие — там свои

Убыточные
доходы

Жадность —
корень всего
зла

Королевские
сирены

Собирать
казну
трудолюбиво,
праведно
и честно

За неумерен-
ностью — за-
пустение

В бедном
королевстве
и король
беден

Ловить рыбу
в меру

Сделать народ
счастливым

Не допускать,
чтобы хотели
перемен

¹ Складники (składniki) — компаньоны.

собственные подданные жаждут перемены правления и часто изменяют, если могут, а чужеземцы боятся приходить. О, государь, управляй людьми так, чтоб они не хотели перемен.

Алхимия, чеканка монеты, поборы, допущение чужих торговцев

5. Мы рассказали о дурных, ложных, недостойных и бесчестных промыслах, то есть об алхимии, о чеканке монеты, о поборах и о допущении чужеземных торговцев.

А благие и похвальные способы приобретения есть те, посредством коих казна пополняется справедливо, по-божески и честно, без гнусной жадности, без лютых поборов и без невыносимого и бесчеловечного отягощения подданных.

Земледелие, ремесло, торговля, общее устройство

А таковых способов и промыслов суть три: земледелие, ремесло и торговля — они называются черными промыслами или промыслами черных людей¹. А четвертый промысел — хозяйство или общее устройство, и он является основой и душой всех остальных. Они называются доходными промыслами.

Создать в королевстве изобилие и дешевизну

6. В бедном королевстве невозможно королю быть богатым. А если какой [король] мечтает стать богатым, то и он мог бы быть гораздо богаче, если бы королевство его было богатым. Поэтому если король сам хочет разбогатеть, то он должен сперва позаботиться, чтобы его подданные стали богаче, и сделать так, чтобы в королевстве было изобилие всякой всячины и дешевизна. А этого король может достичь (насколько это возможно в его державе), если добьется, чтобы люди со всем тщанием и радением стали заниматься земледелием, ремеслом, торговлей и народным хозяйством.

РАЗДЕЛ 1. О ТОРГОВЛЕ

Богатство королевства Руды

1. Вопрос: какое королевство считается богатым?
 Ответ: 1) Богатым считается королевство, в котором имеется золото, серебро и иные руды, как в Арабской и в Венгерской землях.

Одежда и уборы

2) Еще богаче то, которое изобилует вещами, пригодными для украшений тела и для одежды: драгоценными камнями, жемчугом, кораллами, шелком, бумагой, тонкой шерстью, льном, коноплей, овчинами и всякими иными материалами для одежды.

Пища

3) Еще богаче кажется то, где есть в изобилии вещи, пригодные для еды и питья: маслины, виноград, мед, соль, перец, гвоздика, сахар и иные пряности; рис, пшеница и всякое

¹ Черные люди — тяглые люди.

зерно, бобы¹, плоды, съедобные, лечебные и красильные растения; скот, рыба, птица и съедобные звери.

4) А еще богаче, многолюднее и сильнее то королевство, жители коего приобрели искусные навыки или обладают от природы острым умом и хитростью и в коем имеются хорошие и удобные корабельные пристани и торжища² и где поэтому процветает всякое ремесло и земледелие и великая морская торговля, как это происходит в Английской и в Брантской землях.

Хитрые умы
и хорошие
торжища

Но еще более славным и счастливым бывает королевство, в котором, кроме всего этого, имеются еще и хорошие законы, как это мы видим во Французском королевстве.

А воинственные королевства, где люди живут грабежом и где самые лучшие и способные умы, пренебрегая всяким иным промыслом, посвящают себя лишь войне и грабежу и лишь об этом одном заботятся (как принято у крымцев³, турок и калмыков), никогда не бывают богатыми.

2. Хоть это славное государство столь широко и безмерно велико, однако оно со всех сторон закрыто для торговли. С севера нас опоясывает Студеное море⁴ и пустынные земли. С востока и с юга [нас] окружают отсталые народы, с коими никакой торговли быть не может. На западе — в Литве и в Белой Руси — не водится того, что нам нужно (разве что лишь медь есть у шведов). Азовскую и черноморскую торговлю, которая была бы для этой страны самой полезной, захватили и держат крымцы. Торговле в Астрахани препятствуют ногайцы. Торговле с бухарцами в Сибири мешают калмыки. Так что остается у нас только три безопасных торжища: для торговли посуху — Новгород и Псков, а для морской торговли — архангельская пристань, но и к ней путь неизмеримо далек и труден.

Русь заперта
отовсюду

3. Итак, выясняется: во-первых, что в этой стране мало торжищ, и надо, чтобы их было больше, а без царской помощи их никто не может устроить.

Лишена
торжищ,
и многих
товаров

Во-вторых, нет в стране золота, серебра, меди, олова, свинца, ртути и хорошего железа.

В-третьих, нет драгоценных камней, жемчуга, кораллов и красок, и однако все самые простые и самые негодные [люди] хотят их иметь.

¹ Бобы — в оригинале sóczliwo.

² Торжище — в оригинале torgowísce. В других случаях это же слово имеет значение торговля.

³ Крымцы (krimci) — крымские татары.

⁴ Студеное море — Ледовитый океан и примыкающие к нему моря.

В-четвертых, нет сахара, шафрана, перца, гвоздики, орехов, корицы, имбиря, мирры, тимьяна, муската и других пряностей и благовоний.

В-пятых, нет маслин, винограда, изюма, миндаля, смокв, лимонов, грецких орехов, каштанов, слив, персиков, дынь и многих других плодов.

В-шестых, сверх всего этого, нет и совершенно необходимых вещей: то есть сукон¹ и других материалов для одежды — шерсти, шелка и бумаги.

В-седьмых, лишена страна и камня, и более хорошего леса для построек, и хорошей глины для посуды.

Ум у нас
неразвитый
и руки
неумелые

В-восьмых, нашего народа умы не развиты и медлительны, и люди неискusstны в ремесле и мало сведущи в торговле, в земледелии и в домашнем хозяйстве. Русские, поляки и весь народ славянский совершенно не умеют вести дальней торговли ни на море, ни посуху. Арифметике и счетной науке торговцы наши не учатся. Поэтому чужеземным торговцам всегда легко бывает нас перехитрить и нещадно обмануть, тем паче, что они живут по всей Руси и скупают наши товары по самой дешевой цене. Можно было бы это стерпеть, если бы и наши [люди] у них жили и так же дешево покупали. Но наши у них не живут и жить отнюдь не могут из-за своей природной неприиспособленности и неразвитого ума и особенно вследствие зависти и злобы немцев, изведенной многими нашими [людьми]².

Мучительные
пути

В-девятых, пути в этой преширокой державе длинны и тяжелы из-за болот и лесов и опасны из-за [нападений] крымцев, ногайцев, калмыков и иных разбойных народов.

Обилие
меха, пеньки,
поташа

В-десятых, изобилует страна лишь мехом либо овчинами и пенькой и с некоторых пор поташом. А мед, воск, икру, пшеницу, рожь, лен, кожи и другие товары, вывозимые отселе, вывозят не из-за обилия [их], а по необходимости и из-за коз-

¹ Сукна (sūkna) — сукно. В других случаях — ткань, платье (ср. польск. «suknia»).

² «...наши у них не живут... вследствие зависти и злобы немцев, изведенной нашими [людьми]». — Многие заграничные поездки русских купцов оканчивались неудачно. В 1646 г. торговые люди разных городов в своей челобитной царю писали о том, как «в Немецкую землю послан был гость Назарей Чистый... и немцы все, сговорясь заодно, в своем государстве у него шелку ничего не купили, а давали дешевою половою ценою, а говорили: как, де, мы у одного не купим, к нам, де, и впредь никто не поедет...» (Кашин В.Н. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1926. С. 243–244). О притеснениях, которым подвергались русские купцы в шведских владениях, см.: Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915. С. 391–392.

ней чужестранцев, и при этом мы сами лишаемся плодов своей земли и терпим недостаток в них.

4. Чтобы помочь народу в столь многих его нуждах, есть лишь один способ, то есть пусть царь-государь возьмет на свое имя и в свои руки всю торговлю с другими народами, как он это уже сделал, и сохранит ее [за собой] и в грядущие времена¹. Ибо только таким способом можно будет вести счет товарам, чтобы не вывозить слишком много наших товаров, каких у нас нет в избытке, и ненужных нам чужих [товаров] не ввозить. Таким способом царь-государь сможет умножить торжища и стражу, потребную государству для сопровождения товаров.

Пусть государь
возьмет
[в свои руки]
весь привоз
и вывоз
товаров

А иноземным торговцам нечего будет здесь делать. А сукна и всякие немецкие товары смогут идти через наши руки: в Сибирь — к бухарцам и к индийцам, в Астрахань — к персам, в Азов — к туркам, в Путивль — к черкесам² и к валахам. И напротив, товары тех народов попадут к нам и через наши руки — к немцам, к полякам и к литовцам.

От таких действий все государство разбогатеет и все жители возрадуются. Немило это будет одним лишь крупным торговцам, доходы которых отчасти уменьшатся. Но на это нечего смотреть, раз дело идет об общей пользе для всего народа.

Вопрос: хорошо ли государям торговать?

1) Некоторые люди иногда говорят, что государям и благородным людям нехорошо и непристойно вести торговлю. Но следует знать, что торговля сама по себе — дело честное и достойное, а недостойна та мерзкая алчность, которая с торговлей часто связана. Если же торговлю вести не ради личной корысти и не из ненасытной жадности, а для общей народной пользы, то она — дело честное, хоршее и вполне королевское.

Королям
торговать
пристойно

2) В писании сказано, что вся посуда и вся одежда Соломонова были из чистого золота. А серебро в те дни ни во что не ставили, ибо было его в Иерусалиме столько же, сколько камней на улицах (3 кн. Царств, гл. 10:21, 27; 2 кн. Паралипоменон, гл. 9:20).

Соломон
и иные короли
торговли

¹ «...пусть государь возьмет на свое имя и в свои руки всю торговлю с другими народами, как он это уже сделал». — В феврале 1662 г. была введена казенная монополия на торговлю пенькой, поташом, смольчугом, салом, юфтью и соболями, но мера эта была кратковременной и в сентябре того же года монополия была отменена (Базилевич К. Указ. соч. С. 52–53).

² Черкасы (czerkasi) — жители Украины.

А как Соломон достиг этого? Не добыванием руд, не алхимией и не отягощением народа, а торговлей, ибо каждые три года посылал свои корабли в Индию¹ с товарами, и они за один раз привозили ему по 400 талантов золота и больше, кроме серебра и других богатств. То есть 1334 пуда золота, так как талант весил 125 гривен, или 3 пуда и 5 гривен. Король Иосафат хотел возобновить соломонову торговлю, но, будучи наказан богом, не смог исполнить [своего] намерения.

Португальский король тоже посылает свои суда в Индию с большей прибылью, и некоторые немецкие князья также.

А датский король посылает суда в северные ледовитые [и] пустынные страны за одним только китовым жиром.

Французский, испанский, английский короли, турецкий и немецкий цари торговли не ведут: во-первых, из-за того, что их подданные [сами] достаточно сильны и способны вести всякую дальнюю и большую торговлю; во-вторых, земли эти открыты со всех сторон, и никак невозможно запретить подданным торговые сношения с соседними народами. Но при всем том французский король постоянно держит в Царьграде великого посла, а английский король — посланника лишь ради торговых дел своих подданных. А испанский и португальский короли ради своих торговых дел и торговли своих подданных посылают в море все свои ратные силы для сопровождения судов, идущих в Индию.

При каких
условиях
вести
торговлю
королям
пристойно?

3) Итак, хорошо и пристойно государю вести торговлю, если он возьмется [за нее] ради пользы и нужды всего королевства и если от этого будут не обиды, а облегчение и умаление бремени народа. А это бывает, во-первых, когда король ведет торговлю не со своими подданными, а с одними лишь иноземцами. Ибо нехорошо королю купить у своего подданного и продать своему же, но должен он купить у своего, а продать чужому, [либо] купить у чужого, а продать своему и чужому. И не по своей стране должен он развозить товары из града в град и продавать их в розницу, а [должен] оставить это занятие [своим] подданным.

Во-вторых, если для каких-либо торговых дел потребна королевская сила, а отдельные люди не могут их осилить. Если, скажем, на море нужны превеликие расходы, которые, кроме короля, никому не под силу. Так, при Соломоне жители Иудеи не в состоянии были отправлять суда в Индию, и лишь Соломон своей королевской силой (и то не один, а в товариществе с Хира-

¹ Индия — По тогдашнему обычаю Крижанич употребляет этот термин для обозначений «обеих Индий», то есть собственно Индии и Америки.

мом, королем Тирским) сумел это сделать. Или если на сухопутье, из-за того что дороги длинные, трудны и опасны, нужны будут многие подводы, проводники, сторожа и заставы. В особенности в этом царстве есть великая и крайняя нужда в такой помощи.

В-третьих, если какая-либо страна лишена премногих товаров и должна покупать их у иных народов, и поэтому жители часто бывают обмануты. Если дозволено будет всякому торговать с иноземцами или [если] чужестранцам [дозволено будет] жить среди нас, то народу причиняется горькая обида: все наше добро от нас увозят, мы страдаем от голода, а чужестранцы у нас на глазах все плоды нашей земли поедают.

4) Стало быть, царскую торговлю вести и вершить надо так:

– Царские приказчики¹ не должны продавать дома ничего из того, что куплено в своей державе, но все, что купят у царских подданных, [они] должны продавать чужеземцам с невозможной прибылью и по самой высокой цене.

– А покупая у подданных, не должны скупиться, но платить щедро, как будет возможно.

– А то, что купят у чужих, они должны продавать своим без всякой или, по крайности, с наименьшей прибылью. За исключением тяжелого времени, ибо тогда можно будет продавать и по дорогой цене.

4. А чужим народам пусть продают эти товары как можно дороже.

5. Не следует, как я говорил, продавать враздробь, а только оптом. А продавать только в двух или в трех местах страны. А в тяжелое время можно продавать и враздробь, и во многих городах, и по дорогой цене.

6. А в обычное и хорошее время царские думники и торговые надзиратели² должны прежде всего следить за тем, чтобы торговые приказчики ни в чем не обманывали царя-государя и ничем не обижали народ. И чтобы при царской торговле не росла цена на товары, но, напротив, чтобы все товары в стране были бы дешевле, нежели бы могли быть при торговле отдельных жителей.

7. А когда какие-либо местные торговцы захотят купить товары у государевых приказчиков, то приказчики должны продавать им всем по одинаковой указной цене. А в городах надо дать монополию на тот или другой товар тем местным торговцам, которые обещают дешевле [их] продавать.

Какой
должна быть
королевская
торговля?

¹ Приказчики — в оригинале *oprawniki*.

² Надзиратели — в оригинале *nazorniki*.

СОДЕРЖАНИЕ

А.П. Богданов. Юрий Крижанич в жизни и культуре	5
Человек-идея	5
Проповедник панславизма	22
Подготовка к великой миссии	26
Миссионер в Третьем Риме	42
Высылка из Москвы	53
Жизнь и труды в Сибири	55
Реабилитированный	61
В пучине адовой	64

Беседы о правлении

О рукописи	69
Предисловие	74
О недугах или о бедах народных	75
Разделение сочинения	77
Некоторые общие замечания о благочестии, богатстве, силе, мудрости и чести	78
Часть I. О благе	80
Раздел 1. О торговле	84
О торговле с иными народами	90
Выгоды от большой торговли	91
О развитии домашней торговли	95
Раздел 2. О ремесле	104
Раздел 3. О земледелии	113
Раздел 4. О рудах	125
Как добывать руды	128
Часть II. О силе	131
Раздел 1. О твердыхнях	131
Раздел 2. Об оружии	133
Раздел 3. О строях войска	135
Раздел 4. О воинах	143
Раздел 5. О воеводах	146
Раздел 6. О речи, об именах и об обличье или о платье воинском	149
Раздел 7. О жалованье и почестях воинских	154
Часть III. О мудрости	161
Раздел 1. [О том], как хороша, полезна, выгодна и нужна мудрость	161
Раздел 2. Рассуждение о мудрости, о знании и о философии	167
Раздел 3. О политической мудрости	171
Раздел 4. О человеческом обличье	174
Раздел 5. О языке или о речи	175
Раздел 6. О покрое одежды	177
Дума об одежде	180
Раздел 7. О нравах и о неумелости нашей и [о том], как судят о нас другие народы	186
Разговор Бориса с Хервоем	186

Раздел 8. О Русской земле	191
Причины несчастий	191
Причины счастья	192
Раздел 9. О русских обычаях — из описания некоего немца. О немецком злословии	194
Раздел 10. Ответ на хулу, клевету и соблазны чужеземцев	198
Раздел 11. Об общих свойствах и недостатках нашего народа	204
Раздел 12. О чужebesии	209
Раздел 13. Каким образом чужеземцы бывают народам вредны	211
Раздел 14. Об искателях русской короны	215
Раздел 15. О чужевладстве	218
Раздел 16. Какой позор и обиды причиняют нам, славянам, чужеземцы	228
Заключение	239
Раздел 17. О сватовстве чужестранцев	240
Раздел 18. Как чужестранцы позорят королевскую честь нашего народа у поляков	251
Раздел 19. Как чужеземцы опозорили достоинство королевской власти у славян — чехов, болгар, сербов	258
Раздел 20. О счастье народа нашего	259
Раздел 21. О трех основных болезнях, коими немцы заражают [другие] народы	264
Раздел 22. [О том], что русское правление лучше польского	268
Раздел 23. О королевском достоинстве и власти	273
О достоинстве и власти королевской	274
О прерогативах или правах королевских	274
О долге подданных	275
Раздел 24. О различных сословиях людей	276
Раздел 25. Об обязанности короля (из Святого Писания).	284
Наказание королей: о жадности и о поборах	285
Раздел 26. О призвании короля, о королевской власти и о тирании	286
Раздел 27. Объяснение общего заблуждения богатых людей и многих правителей относительно принадлежности вещей [и] безграничной власти	291
Раздел 28. О жестоком правлении и людодерстве	298
Раздел 29. Корень всех зол — жадность	307
Раздел 30. Об исправлении тиранства и дурного правления	316
Раздел 31. Речь царя к жителям всего королевства	321
Раздел 32. Законы против народного недовольства и для иных нужд и привилегии всем сословиям	324
Прерогативы высшей власти	326
Раздел 33. О гостогонстве	367
Раздел 34. О сохранении государственной власти	379
Раздел 35. О королевской славе	384
Раздел 36. О замещении престола	393
Раздор. Разделение	419
Пизанский собор	419
Констанцский собор	420
Флорентийский и Базельский соборы	420
В.В. Зеленин. Рукопись «Политики»	431